

— Мой седьмой молодой господин, пожалуйста, не будите его! Служанки из его покоев говорят, что он больше всего на свете ненавидит, когда нарушают его сон. Неужели вы и правда осмелитесь его потревожить? — тихонько уговаривала Пэнлу.

— Я только посмотрю, шуметь не буду, — в голосе говорившего слышалось нетерпение.

— Только потише, господин мой хороший!

Е Мянэ сквозь полусон смотрел на голову, протиснувшуюся сквозь полог кровати.

— О, проснулся?

Е Мянэ ничего не ответил. «Кто это вообще такой?» — подумал он.

Пэнлу и Пэнша уже подошли к кровати. Подвязывая полог, они с притворным укором заворчали:

— Если седьмой молодой господин продолжит так суетиться, мы обо всем расскажем барышне.

Е Мянэ лежал неподвижно, лениво разглядывая гостя. На вид тот был примерно его сверстником, разве что немного повыше. На нем был алый парчовый халат с золотым узором в виде облаков. Свежее лицо с тонкими, изящными чертами так и светилось благородством и изнеженностью.

Седьмой молодой господин проигнорировал служанок. С размаху усевшись на край постели, он посмотрел на Е Мянэ, который послушно лежал у стены и, вместо того чтобы сердито зыркнуть или отвернуться, просто смотрел на него мягким взглядом. Гость самодовольно улыбнулся:

— Раз уж ты пришел, значит, больше не сердишься. Я ведь тоже не какой-нибудь мелочный человек, так что не стану поминать старое. Будем считать, что мы помирились!

Пэнша и Пэнлу, прикрыв рты ладонями, тихонько прыснули со смеху. Не желая мешать примирению молодых господ, они приподняли бисерную завесу и вышли в гостиную. Там они притаились у портьера и наострили уши, твердо намереваясь вечером слово в слово пересказать весь разговор своей барышне.

Е Мянэ хоть и не до конца понимал суть дела, но сообразил, что этот юноша успел повздорить с прежним Е Мянэ. Сегодня в карете его невестка подшучивала, что если бы он знал о поездке в поместье маркиза Юнхэнь заранее, то непременно сбежал бы. Скорее всего, дело было именно в этом человеку.

Е Мянэ привел себя в порядок, оделся, и они вместе направились в сторону праздничного банкета. По дороге Цзян Бэйцинэ настойчиво упрашивал его остаться на ночь в поместье маркиза Юнхэнь, чтобы они могли всласть наговориться. Он хвастался, что раздобыл превосходное импортное вино. Однако Е Мянэ отказался: во-первых, он не чувствовал себя близко знакомым с Цзян Бэйцинем, а во-вторых, завтра у него действительно были дела — он еще несколько дней назад обещал встретить Лу Личжэна и привезти его в поместье Е.

Цзян Бэйцинэ недовольно нахмурился:

— Ты что, опять собрался в резиденцию премьер-министра к этому мальчишке из клана Вэй?

Не успел Е Мянэ ответить, как к ним подбежала служанка и сообщила, что праздничный

банкет уже начался, и супруга наследного сына велит им поторопиться.

Не решаясь больше медлить, юноши оборвали разговор и поспешили в цветочный зал внутреннего двора.

Хотя сегодня праздновали день рождения старой госпожи Е, она уже много лет была прикована к постели и не могла нормально двигаться и говорить. Поэтому лишь несколько высокопоставленных дам вошли к ней в покои, чтобы выразить свое почтение и навестить ее. Гостей же во внешнем и внутреннем дворах принимали сам маркиз Юнъань и супруга маркиза Юнъань. Старый маркиз не любил суеты и на празднестве не появился.

Когда Е Мянъ и Цзян Бэйцинь вошли вместе, члены семей Е и Цзян, знавшие об их давней ссоре, покатались со смеху. Супруга маркиза Юнъань подтянула обоих к себе, прочитала шутовское наставление и в конце концов слегка шлепнула каждого, проворчав:

— Ах вы, два упрямца, чтобы больше никаких ссор между вами не было!

Некоторые любопытные гости, не понимая, в чем дело, принялись расспрашивать о причине раздора. Супруга маркиза Юнъань с удовольствием пересказала им ребяческую ссору как забавный анекдот.

Е Мянъ тоже наострил уши и, сопоставив услышанное с собственными догадками, восстановил всю картину произошедшего.

Как оказалось, Цзян Бэйцинь был родным братом его невестки и седьмым ребенком в семье. С тех пор как две семьи породнились, мальчики быстро сблизились, будучи ровесниками. В то время Е Мянъ сильно конфликтовал со своим старшим братом из-за предвзятости заместителя министра Е. Встретив же этого седьмого брата, он сразу почувствовал в нем родную душу. Е Мянъ целыми днями хвостиком ходил за ним, считал своим лучшим другом и едва ли не умолял мать обменять своего родного брата на Цзян Бэйциня.

Чуть больше года назад его старший брат с женой приехали навестить родных в поместье маркиза Юнъань и, разумеется, взяли Е Мянъ с собой. Тогда Е Мянъ приготовил для Цзян Бэйциня подарок на день рождения — целую корзину персиков из сада поместья Е. Как-то раз Цзян Бэйцинь обмолвился, что очень любит эти персики, и Е Мянъ запомнил его слова. За день до отъезда он, терпя невыносимый зуд от аллергии на персиковый пух, собственноручно набрал для друга небольшую корзину.

Цзян Бэйцинь, конечно же, с радостью принял подарок. Но тут Е Цзин ни с того ни с сего обронил:

— Я тоже люблю эти персики, да только мне никто их не собирает. Бэйцинь, не поделишься ли со мной парочкой?

Цзян Бэйцинь, безумно восхищавшийся своим зятем, так разволновался от этой просьбы, что густо покраснел и напрочь обо всем позабыл. Он пододвинул ему всю корзину:

— Зять, забирай все! На самом деле я терпеть не могу персики!

Е Мянъ прямо на месте разорвал дружбу с Цзян Бэйцинем, и как его потом ни пытались помирить — все было бесполезно.

Цзян Бэйцинь с малых лет рос в неге и ласке, ему никогда ни в чем не отказывали. А тут Е

Мянь прилюдно опозорил его. Цзян Бэйцинъ даже первым переступил через себя и извинился, но тот и слушать ничего не желал. Гордость мешала обоим пойти на попятную, и они так и дулись друг на друга целый год. Позже, когда Цзян Бэйцинъ немного подрос и осознал нелепость ссоры, Е Мянь уже поступил в Императорскую академию Гоцзысюэ.

В академии Цзян Бэйцинъ даже наступал на горло собственной гордости и несколько раз пытался подкараулить Е Мяня, но к тому времени душа в теле последнего уже сменилась, и новый Е Мянь просто его не узнавал.

Каждый раз, когда Цзян Бэйцинъ видел, как Е Мянь притворяется, будто не знает его, и спокойно проходит мимо, обнимаясь за плечи с Вэй Анъюанем, кровь бросалась ему в голову от злости. Возвращаясь домой, он в ярости крушил все в своей комнате.

Сегодня утром он вместе с третьим братом поднимался на гору, чтобы вознести благовония за здоровье бабушки. Вернувшись домой, он услышал от невестки, что приехал Е Мянь. Цзян Бэйцинъ обрадовался до беспамятства, решив, что упрямец наконец-то решил сделать шаг навстречу. Не успев даже переодеться, он со всех ног бросился сюда.

Е Мянь мог бы пойти с Цзян Бэйцинем во внешний двор на мужскую часть банкета, но не успел он и шагу ступить, как его подозвала к себе супруга герцога. Она усадила его рядом с собой, отчего сидевшие вокруг знатные дамы дружно рассмеялись. Они наперебой шутили, что ей стоит поскорее сосватать его за свою внучку, а то она так крепко держит чужого ребенка, что никак не хочет отпускать.

Супруга герцога весело рассмеялась:

— И как вы только угадали мои мысли? Я бы хоть сегодня забрала его к себе домой и нянчила. А взамен с радостью отдала бы супруге заместителя министра Е любого из своих внуков!

Госпожа Цю приветливо улыбалась, однако проигнорировала намек на женитьбу, ухватившись лишь за шутку об обмене:

— Ну тогда я останусь в огромной выгоде! Обменять этого непутевого сорванца на благовоспитанного молодого господина из герцогского дома? Вернемся домой — мой супруг меня за это только наградит!

Дамы вокруг покатались со смеху, госпожа Цю смеялась вместе со всеми, но в душе лишь презрительно фыркала. Дом герцога Цин, конечно, велик и почетен, да только внушек у них пруд пруди. Если бы они, как в свое время поместье маркиза Юньань, со всей серьезностью предложили законную внучку от главной жены, это можно было бы счесть честью и обсудить со всем почтением. Но сватать их Мянь-гэра, даже не уточнив, о ком речь — о дочери законной жены или наложницы, — это они слишком легкомысленно размечтались!

Что и говорить, по внешности и талантам ее младшего сына никто из сегодняшних молодых господ и близко с ним не стоял. К тому же у него есть старший брат, их братец Цзин! Ныне государь весьма благоволит братцу Цзину, и через пару лет тот непременно поднимется в чине. Когда придет время и их Мянь-гэр закончит Императорскую академию Гоцзысюэ и получит чиновничью должность, разве они не смогут породниться с любой, даже самой знатной семьей?

Присутствующие титулованные дамы были тертыми калачами. Некоторые из них сразу уловили перемену в настроении госпожи Цю и сменили тему. Супруга маркиза Юньань бросила на нее мимолетный взгляд и мысленно вздохнула. Она тоже считала, что к браку

детей нельзя относиться легкомысленно. Несколько лет назад, когда господин Дуаньхуа впервые явился свету, знатные дома, включая маркизов и герцогов, боролись за него не на жизнь, а на смерть. Чтобы устроить счастье своей дочери Наньчу, супруга маркиза испортила отношения со многими семьями и даже переступила через гордость, чтобы умаслить жену чиновника четвертого ранга. Зато в итоге ее дочь сияла от счастья и с почетом вышла замуж за суженого...

Е Мяню этот обед показался сущим наказанием. Комната была полна женщин, и приторно-сладкий аромат пудры и румян напрочь заглушал запах еды. Супруга герцога без умолку трещала ему на ухо. Он поначалу пытался вежливо поддерживать беседу, но вскоре совсем сник и принялся отчаянно подмигивать Цзян Бэйциню. Тот проявил благородство: невзирая на испепеляющий взгляд супруги маркиза Юньань, он, даже не доев, поспешно увел Е Мяню прочь.

Во внешнем дворе, в небольшом боковом зале, за двумя столами шумно пировали около десятка юношей в роскошных одеждах. Служанки метались туда-сюда так быстро, что у них капельки пота выступали на кончиках носов.

Когда Цзян Бэйцин привел Е Мяню, третий молодой господин из семьи Цзян как раз стоял у стола и призывал всех пить. Увидев пришедших, он усадил Е Мяню на стул, залпом осушил две чарки в знак извинения и поспешил в главный зал — наследный сын уже несколько раз посылал за ним слуг.

— Бэйцин, почему так поздно? А ну-ка, три штрафные чарки!

— И то верно! Разве так принимают гостей?

Молодые господа за столом наперебой принялись подшучивать над ним. Цзян Бэйцин без лишних слов схватил кувшин, сам наполнил чарку и осушил ее трижды подряд, вызвав одобрителный гул и аплодисменты.

Е Мяню сел рядом с Цзян Бэйцинем.

<http://bllate.org/book/18289/1753829>